

«А Диэ» — это история, напоминающая «Рассказы Ляо Чжая», где главная героиня, маленькая бабочка, изначально не знала, что такое любовь, не испытывала ни радости, ни печали. Однако, случайно выпив воды из реки Хуачуань, которую разбрызгал беспечный небожитель, она обрела божественную силу и смогла культивировать человеческий облик. После превращения в человека А Диэ встретила Мэй Цзэфана, учёного, чья мать тяжело болела и нуждалась в чудодейственном лекарстве. А Диэ, почувствовав симпатию к вежливому и скромному Мэй Цзэфану, помогла ему найти воду Хуачуань, способную излечить любую болезнь, и набрала её в бутылку, чтобы он мог забрать домой. Однако, передав воду без разрешения, А Диэ разгневала даосского небожителя Юань Фэя, управляющего рекой Хуачуань, который вернул её на небеса для суда. Мэй Цзэфан, влюблённый в А Диэ, не мог смотреть, как она страдает, и обратился за помощью к даосу Чу Юаню, с помощью которого отправился на небеса, чтобы спасти её.

Сюжет фильма полон неожиданных поворотов, а сцены поражают своей красотой. Костюмы и образы персонажей до сих пор выглядят современно. Хотя история любви между главными героями кажется классической, она естественна и трогательна. Фильм получил высокие оценки сразу после выхода и стал коммерчески успешным. Даже сегодня многие пересматривают эту старую картину, а Хуэй Чулин, благодаря этой роли, успешно вошла в мир кино.

Быстро просмотрев сценарий, Ци Го обнаружил множество маленьких рисунков, оставленных его матерью. Ему было интересно рассматривать эти милые и хаотичные зарисовки. Некоторые из них явно изображали бытовые предметы, такие как чашки или заколки, другие — портреты людей, которых Ци Го предположил, что это были члены съёмочной группы.

Тогда, вероятно, ещё была эпоха чернильных ручек, и почерк выглядел старомодным. Из-за времени и влажности некоторые линии расплылись, и изображения стали менее чёткими. Ци Го почувствовал сожаление.

Хотя было видно, что его мать не училась рисованию, у неё был талант. Каждый штрих был живым, особенно в портретах, где всего несколькими линиями она могла передать выражение лиц окружающих.

— Ну как? Хотя рисунки твоей матери не сравнятся с твоими, они тоже неплохи, правда? — с улыбкой пошутил Цзян Янь, наблюдая за выражением лица Ци Го, когда тот закончил просматривать сценарий.

Ци Го поднял голову, ощущая странное чувство. Он тщательно подбирал слова:

— Спасибо за сценарий. Впервые я увидел рисунки мамы. Она действительно хорошо рисовала.

Это было странное чувство. Они с матерью должны были быть самыми близкими, но он не имел о ней никаких воспоминаний, и в доме не осталось следов её присутствия. Теперь ему приходилось узнавать о ней от её старых знакомых.

Ци Чжэньчуань никогда не говорил с ним о его матери.

Искренность Ци Го заставила Цзян Яня и Цзинь Хуа обменяться взглядами. Цзян Янь заметил, как Ци Го продолжал нежно перебирать страницы старого сценария, и вздохнул, его лицо стало серьёзным:

— Малыш Ци, на самом деле мы позвали тебя не только ради этого. Пожалуйста, не обижайся, у меня есть ещё одна просьба, но я не хочу тебя принуждать.

— Говорите, — ответил Ци Го, не удивляясь.

С самого начала он чувствовал, что Цзян Янь был слишком дружелюбен. Однако, поскольку они предложили ему старый сценарий, он не мог сразу отказаться — он уже догадывался о просьбе.

Итак, Цзян Янь продолжил:

— Не мог бы ты сыграть роль в «Легенде о Чаоюне»?

Он поспешил добавить, опасаясь отказа:

— Без слов, просто появление в образе, несколько сцен.

Ци Го удивился:

— Если нет слов и нужен только образ, то почему именно я? Или можно использовать компьютерную графику.

Увидев, что Ци Го не сразу отказался, Цзян Янь ободрился и снова улыбнулся:

— Ты особенный, этот персонаж только для тебя.

Цзинь Хуа, слушая, как Цзян Янь всё ещё не доходит до сути, решил быть прямым:

— Это меч Чаоюнь, о котором мечтал Юнь Фэй.

— Меч Чаоюнь... но это же меч, — Ци Го попытался вспомнить отрывки сценария, которые он читал, но ничего не припомнил о мече. — Мечу тоже нужен актёр?

Тут Цзян Янь вспомнил, что Ци Го видел только те отрывки, которые использовались для проб, и не был знаком с полным сюжетом. Полного сценария он сегодня не принёс, поэтому кратко объяснил историю меча Чаоюнь.

Как оружие даоса, достигшего бессмертия, меч Чаоюнь был необычным. Хотя даос не взял его с собой на небеса, в мече оставалась частица его духа, что позволяло мечу проявлять свою волю и расти вместе с главным героем. Когда герой терял уверенность или сомневался, меч принимал человеческий облик, чтобы помочь ему найти путь. В финальной битве с Юнь Фэем герой смог победить только благодаря полному единению с мечом.

— Поэтому мы хотим, чтобы ты сыграл эту роль, — осторожно сказал Цзян Янь. — Это исполнит давнюю мечту.

Ци Го был в замешательстве. Он никогда не думал об актёрской игре — это было так далеко от его мира, как две галактики, разделённые тысячами световых лет. У него не было ни симпатии, ни антипатии к этому, и он никогда не задумывался, будет ли он играть.

— Я подумаю, — сказал он, глядя на ожидающие лица старших.

Он не хотел давать окончательного ответа, но и не был готов сразу отказаться. Сыграть небольшую роль, казалось, не повлияет на его жизнь. Однако в школьные годы он никогда не участвовал в постановках, разве что в детском саду, когда изображал яблоню в «Истории Ньютона», стоя на стуле с яблоком в руке. Он понятия не имел, есть ли у него актёрский талант.

Совершенно непонятно, откуда режиссёры увидели в нём потенциал.

Этот вопрос требовал дальнейшего обдумывания. Оставив тему, Ци Го слушал их рассказы о работе, медленно допивая чай, после чего они дружески расстались.

Договорившись заехать домой, Ци Го позвонил управляющему, чтобы тот прислал за ним машину. Управляющий был рад его возвращению и сразу согласился:

— Отлично, старший сын тоже вернётся. Сегодня вечером и господин, и второй сын будут дома, это редкость.

С тех пор, как Ци Го переехал, он почти не бывал дома, кроме праздников. Управляющий, работающий в семье с рождения Ци Го, всегда надеялся, что отец и сыновья станут ближе. Услышав, что Ци Го вернётся на ужин, он был так рад, что решил лично отправиться за ним с водителем.

Вернувшись домой, Ци Го понял, что не был здесь уже почти полгода.

— В пруду всё ещё есть рыбы? — спросил он управляющего, едва выйдя из машины.

Управляющий, заметив скрытое ожидание в его взгляде, подумал, что старший сын всё ещё остаётся ребёнком в душе, и с улыбкой ответил:

— Конечно, и даже черепаха появилась. Её подарил друг господина.

Он повёл Ци Го к пруду, как будто боясь, что тот забудет дорогу, и только после этого вернулся к своим делам.

Пруд был спокоен, на поверхности плавали несколько нераскрывшихся кувшинок, изредка появлялись круги на воде. Только подойдя ближе, можно было увидеть ярких карпов, плавающих на дне, будто в пустоте, свободных и беззаботных.

Ци Го присел у края пруда, как в детстве.

— Вы выросли, — сказал он.

Карпы стали крупнее, чем в его последний визит, когда они были ещё мальками, а теперь достигли размера детской руки.

Он ничего не принёс с собой — даже если бы принёс, рыбы бы не стали есть — и просто наблюдал, как стайка карпов резвится на противоположной стороне пруда, не приближаясь к нему. Хотя атмосфера была тихой, Ци Го чувствовал себя уютно, погрузившись в размышления о словах Цзян Яня, пока управляющий не позвал его на ужин.

Войдя в столовую, он увидел на главном месте мрачную фигуру. Ци Чжэньчуань, увидев его, нахмурился:

— Зачем ты вернулся?